

Научная статья

УДК 94(470.23-25 + 571.16)“18/19”:331.556.4

doi: 10.17223/19988613/97/22

Европейские общины и их место в городском межэтническом разделении труда в конце XIX – начале XX в. (на примере Санкт-Петербурга и Томска)

Владимир Николаевич Шайдуров¹, Михаил Станиславович Генслер²

^{1,2} *Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *s-w-n@mail.ru*

² *gensler.hist@mail.ru*

Аннотация. На примере Санкт-Петербурга и Томска рассматриваются особенности межэтнического разделения труда на рубеже XIX–XX вв. Используются как опубликованные сводные данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г., так и материалы из Российского государственного исторического архива и Государственного архива Томской области. В ходе исследования установлен удельный вес представителей еврейской, немецкой и польской общин в хозяйственной жизни столичного и губернского городов, проведен сравнительный анализ их включенности в различные отрасли городского хозяйства.

Ключевые слова: межэтническое разделение труда, Санкт-Петербург, Томск, евреи, немцы, поляки

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

Для цитирования: Шайдуров В.Н., Генслер М.С. Европейские общины и их место в городском межэтническом разделении труда в конце XIX – начале XX в. (на примере Санкт-Петербурга и Томска) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 173–181. doi: 10.17223/19988613/97/22

Original article

European communities and their place in the urban interethnic division of labor in the late 19th and early 20th centuries (using the example of St. Petersburg and Tomsk)

Vladimir N. Shaidurov¹, Mikhail S. Gensler²

^{1,2} *Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russian Federation*

¹ *s-w-n@mail.ru*

² *gensler.hist@mail.ru*

Abstract. The article focuses on reconstructing the role of European communities (Jewish, German, and Polish) in the system of ethnic labor division in the late 19th and early 20th centuries. The issue is examined through the case studies of urban economies in St. Petersburg and Tomsk. The primary source for this historical-comparative research is the aggregated data from the First General Census of the Russian Empire in 1897. Additional sources include statistical records on the entrepreneurial activities of members of these communities, drawn from published materials and archival documents (the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Tomsk Region), as well as reference publications from the late 19th and early 20th centuries. The study found that the Jewish, German, and Polish communities were sizable, and their relative comparability allowed for an analysis of their role in the economic life of both cities. Living in an ethnically and religiously diverse environment, as well as facing legal restrictions on certain occupations at different historical periods (for Jews and exiled Poles), compelled community members to develop various adaptive strategies. These strategies enabled them to adjust to new conditions and integrate into the host society. One such strategy was active participation in the emerging labor division. Both in St. Petersburg and other cities (such as Tomsk), Jews, Germans, and Poles managed to integrate into urban economies. This was facilitated by the underdeveloped local labor market, their traditional expertise in certain economic sectors, and entrepreneurial initiative, which helped establish new branches of regional economies. In both St. Petersburg and Tomsk, these communities had a significant presence in education, distilling and brewing, watchmaking, surgical and musical instrument production, jewelry and luxury goods manufacturing, tailoring, and running taverns and hotels. Over time, the role of ethnicity in the production of goods and services diminished, giving way to economic considerations.

Keywords: interethnic division of labor, St. Petersburg, Tomsk, Jews, Germans, Poles

Acknowledgements: The study is supported by Russian Science Foundation and by St. Petersburg Science Foundation № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

For citation: Shaidurov, V.N., Gensler, M.S. (2025) European communities and their place in the urban interethnic division of labor in the late 19th and early 20th centuries (using the example of St. Petersburg and Tomsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 97. pp. 173–181. doi: 10.17223/19988613/97/22

В условиях активизации миграционных процессов в XIX – начале XX в. продолжилось формирование локальных этнических групп. Необходимость выживания в новых условиях ставила перед их членами задачу выработки адаптационных практик, одна из которых была связана с интеграцией в существовавшие хозяйственные отношения и вела к включению в уже сформированную на региональном уровне систему межэтнического разделения труда. Данная проблема сохраняет свою актуальность и в современной России. Это связано с активизацией трудовой миграции в конце XX – первой четверти XXI в.

На протяжении советского периода основным признаком участия в экономической деятельности являлся социальный статус. Это нашло свое отражение в историографии. В частности, в 1980-х гг. были изданы обобщающие труды по истории крестьянства [1] и рабочего класса [2]. Национальный фактор длительное время оставался вне поля зрения исследователей.

В условиях смены идеологической парадигмы и поиска новых методологических подходов в конце XX – начале XXI в. в отечественной исторической науке широкое распространение получила концепция мобильных групп-диаспор, сформулированная Дж. Армстронгом, которая на материале России была рассмотрена А. Капшелером [3, 4]. С подачи последнего в исследовательское поле был включен вопрос: «В какой мере были охвачены [экономическим бумом] периферийные области и нерусские народы?» [4. С. 224].

Региональная историография, посвященная хозяйственной деятельности отдельных этносов во второй половине XIX – начале XX в., крайне обширна и заслуживает отдельного исследования. В то же время работ, посвященных вопросу межэтнического разделения труда в позднимперский период, немного.

Автором одной из первых монографий, посвященных рассматриваемой проблеме, была Е.В. Карих [5]. На основе материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. ею были проанализированы различные аспекты разделения труда по национальному признаку. Продолжением этой работы стали статьи [6, 7] и монография В.П. Зиновьева [8].

Цель данного исследования – дать историко-сравнительный анализ межэтнического разделения труда в Санкт-Петербурге и Томске на примере евреев, немцев и поляков и выявить его специфические черты. Нами будут выделены и охарактеризованы некоторые сферы хозяйственной деятельности, в которых они играли заметную роль.

Достижение поставленной цели невозможно без привлечения широкого круга источников. Нами были использованы как опубликованные материалы, так и

документы, извлеченные из центральных и региональных архивохранилищ.

Один из основных источников, использованный нами, – сводные данные переписи населения Российской империи 1897 г., изданные по столичным городам [9] и отдельным губерниям [10]. В центре внимания оказалась таблица XXII, в которой сосредоточены сведения о числе занятых в 65 видах хозяйственной деятельности с учетом родного языка. Различные группировки данных позволили не только представить структуру видов деятельности применительно к каждой из общностей, но и определить их удельный вес в той или иной сфере.

Обезличенные статистические данные требуют конкретизации и персонификации. Решение этой задачи стало возможным благодаря привлечению публиковавшихся во второй половине XIX – начале XX в. справочных изданий. Так, важным источником по хозяйственной деятельности являются сборники, содержащие информацию о заводах и фабриках в интересующих нас регионах [11]. Однако при работе с этим источником следует помнить о его неполноте, так как составители включали сведения с учетом определенного порога. В некоторых случаях речь шла о ежегодном производстве продукции на 1 или 2 тыс. руб. Следовательно, малые предприятия изначально исключались из поля зрения.

Не следует приуменьшать значение адресных книг [12–14], материалы которых позволяют получить ценную информацию о владельцах предприятий, их локализации в городском пространстве.

Ценная информация содержится и в статистических отчетах и справках различных должностных лиц, выявленных в фонде 104 (Томское городское полицейское управление) Государственного архива Томской области. Отдельные сведения были извлечены из дел фонда 1102 (Документы разных лиц, изъятые из сейфов частных банков и кредитных обществ, находившихся в Петрограде) и фонда 1341 (Первый Департамент Сената) Российского государственного исторического архива.

Методологической основой исследования является концепция национальной вариативности модернизации, представленная и обоснованная в работах И.В. Побережникова [15]. Одним из признаков модернизации рубежа XIX–XX вв. является рост национального самосознания и активности, в том числе хозяйственной, отдельных этносов, проживавших в Российской империи. Среди последних евреи, немцы и поляки играли важную роль в социально-экономической жизни отдельных регионов, среди которых были Санкт-Петербург и Сибирь.

Исследование места и роли этнического сообщества в хозяйственной деятельности региона или страны

в целом проходит поэтапно. Одним из первых шагов в изучении данного явления становится анализ вовлеченности представителей этнической группы в разные сферы деятельности. Подобный подход с опорой на многочисленные опубликованные и архивные источники позволяет определить структуру хозяйственной занятости ее членов: выделить те виды хозяйственной деятельности, которые получили наибольшее распространение в сообществе. Несомненным недостатком подобной модели является, по сути, рассмотрение экономической жизни той или иной этнической общности в изолированном формате, ибо внимание исследователя сконцентрировано на анализе вовлеченности, например, сибирских немцев преимущественно в сельское хозяйство [16], а евреев или поляков в торгово-промышленную сферу [17, 18]. Именно это направление получило наибольшее распространение в историографии.

Иной подход мы видим при изучении включенности этнического сообщества в отдельные отрасли народного хозяйства. В этом случае мы имеем возможность определить удельный вес его представителей в сельском хозяйстве, отдельных производственных отраслях, видах торговли, транспорте и т.д. Использование статистических источников, например переписи населения 1897 г., позволяет получить качественный срез на всех административно-территориальных уровнях: городском, уездном, губернском, а в обобщенном виде – на уровне региона или страны в целом. Подобный подход позволяет, кроме прочего, получить представление о распространении профессиональных занятий внутри этнической группы.

Одним из существенных, на наш взгляд, недостатков этого подхода является то, что в результате исследования мы видим количественные данные о занятых евреях, немцах, татарах и других этносов в той или иной отрасли относительно общего числа занятых. При этом мы упускаем из поля зрения иные характеристики, которые позволили бы представить их реальное место в отрасли. Это может способствовать в некоторых случаях формированию ложной картины. Для наглядности можно апеллировать к данным по винокурению и пивоварению в Томске (по данным 1897 г.): в отрасли поляки составили 10,7% самозанятых (без членов семей), немцы – 5,4%, евреи – 7,1% [10. С. 108]. Однако материалы податной статистики конца 1880-х гг. позволяют говорить о том, что по уровню технологического развития производства, объемам производимой продукции, доле на рынке и другим показателям лидерство в отрасли принадлежало не полякам: оно было в руках еврейских предпринимателей И. Фуксмана и М. Рейхзелигмана, на долю которых пришлось почти 55% от уплаченного акциза с томских пивоваренных заводов [19. С. 145–146].

Исходя из этого, следует более осторожно относиться к имеющимся данным. Получение более достоверной картины участия этнических сообществ в межэтническом разделении труда возможно при более глубокой проработке вопроса с привлечением новых источников.

В центре нашего внимания находятся евреи, немцы и поляки, которые являлись неотъемлемой частью ис-

торико-культурного и экономического ландшафта Санкт-Петербурга и Томска во второй половине XIX – начале XX в. Выбор означенных этнических сообществ для историко-сравнительного анализа обусловлен схожими чертами их формирования и удельным весом в общей массе населения города.

Еврейская община в Санкт-Петербурге формировалась с XVIII в., однако с введением так называемой «черты оседлости» и некоторых иных сегрегационных норм проживание в столице им было запрещено. Лишь с 1860-х гг. постепенная либерализация законодательства сделала возможным не только приезд, но и водворение евреев в столицу.

Формирование еврейской общины Томска началось в первой половине XIX в. Лишь во второй половине XIX в. она стала пополняться не только бывшими административными ссыльными и их потомками, но и трудовыми мигрантами, которые воспользовались законодательными послаблениями и покинули «черту оседлости».

Первые немцы появились в Санкт-Петербурге одновременно с образованием города. Ко второй половине XIX в. немецкая община состояла преимущественно из представителей третьего сословия (мещан, цеховых, почетных граждан). Заметную роль в жизни общины играли немцы-иностранцы, сохранявшие во второй половине XIX в. свое прежнее подданство.

В Томске немцы первоначально появились по долгу службы, но ко второй половине XIX в. немецкая община была представлена не только военными и гражданскими чиновниками, проходившими службу в Сибири. Миграционные процессы способствовали появлению в городе выходцев из других регионов и германских государств. Часть немцев-иностранцев в Томске приняла русское подданство. Но были и те, кто, проживая в городе десятилетиями, сохранял прежнее подданство.

Главное отличие сибирской колонии от польской общины Санкт-Петербурга сводится к тому, что для первой одним из главных источников возникновения и дальнейшего пополнения была со второй половины XVII в. ссылка. Однако в формировании польских общин Санкт-Петербурга и Томска есть и общие черты, среди каковых в первую очередь следует выделить различные формы трудовой миграции. Последнее относится к службе военных и чиновников, часть из которых постоянно проживала в рассматриваемых городах. Модернизационные процессы способствовали росту социальной мобильности, что влекло перемещение поляков в привлекательные для них центры.

О численности рассматриваемых общин и их удельном весе в общей массе населения городов можно судить по приведенным ниже данным (табл. 1, 2).

Оказавшись в новых условиях, представители этнических общностей оказались перед необходимостью адаптации и, как следствие, интеграции в существовавшие народнохозяйственные системы. В то же время мы должны учитывать действовавшие в разные исторические периоды правовые нормы, которые регламентировали возможности ведения некоторых видов хозяйственной деятельности для той или иной этнической общности. Так, на протяжении XIX в. эпизодиче-

ски действовали запреты на винокурение для евреев. Сибирская колония, состоявшая, как уже упоминалось, преимущественно из ссыльных, сталкивалась с многочисленными ограничениями в разных сферах.

Тем не менее, присутствовавшие в рассматриваемых городах этнические общины смогли к концу XIX в. не только занять свое место, но и обрести определенный вес в общегородском хозяйстве (табл. 3).

Таблица 1

Еврей, немцы, поляки в структуре населения Санкт-Петербурга

Народности	Занятое население			Члены семей		Всего	% к общему числу	% к числу занятых
	Все	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.			
Население Санкт-Петербурга	819 923	554 953	264 970	137 714	307 283	1 264 920	100	100
Поляки	26 196	19 730	6 466	3 082	7 451	36 729	2,9	3,2
Немцы	29 329	16 868	12 461	5 794	1 5657	50 780	4	3,6
Евреи	5 602	4 251	1 361	2 022	4 403	12 037	1	0,7

Примечание. Таблица составлена по: [9. С. 212–217].

Таблица 2

Еврей, немцы, поляки в структуре населения Томска

Народности	Занятое население			Члены семей		Всего	% к общему числу	% к числу занятых
	Все	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.			
Население Томск	27 227	18 997	8 230	8008	16974	52209	100	100
Поляки	580	579	101	156	348	1184	2,3	2,1
Немцы	144	190	54	56	117	417	0,8	0,5
Евреи	1 046	824	222	661	1309	3016	5,8	3,8

Примечание. Таблица составлена по: [10. С. 180–181].

Таблица 3

Удельный вес евреев, немцев и поляков в различных видах хозяйственной деятельности в Санкт-Петербурге и Томске

Виды деятельности	Поляки		Немцы		Евреи	
	Санкт-Петербург	Томск	Санкт-Петербург	Томск	Санкт-Петербург	Томск
01–03. Администрация, суд и полиция, общественная и сословная служба, частная юридическая деятельность	5,9	4,3	2,3	0,6	0,2	0,3
04. Вооруженные силы	11,2	меньше 0	1,4	меньше 0	0,7	меньше 0
09. Учебная и воспитательная деятельность	4,1	2,9	11,4	3,4	0,3	4,7
10. Наука, литература и искусства	6,3	7,4	9,7	4,5	1,3	3,4
11. Врачебная и санитарная деятельность	5,3	3,8	8,2	2,6	1,9	6,4
13. Деятельность и служба частная. Прислуга, поденщики	3	2,4	3,1	0,6	0,1	0,8
27. Обработка металлов	4,3	2,5	3,1	1,3	0,7	6,1
30. Винокурение, пиво- и медоварение	1,9	10,7	3,9	5,4	0,1	7,1
35. Производство инструментов физических, оптических, хирургических, музыкальных, часов, игрушек и пр.	3,9	2,1	15,3	2,1	6,3	32,6
36. Ювелирное дело, живопись, производство предметов культа, роскоши и т.д.	1,2	5	3,7	0	25,9	10
37. Изготовление одежды	1,8	2,1	3,5	0,3	1,8	10,2
42. Железные дороги	9,9	12,8	2,1	1,2	0,04	0,3
43. Извозный промысел	0,7	3,2	0,7	0,5	0,1	12,5
46. Кредитные и общественные коммерческие учреждения	5,4	3,5	20,4	1,8	0,7	0
47. Торговое посредничество	2,3	0	7,8	11,8	1,1	8,8
48–59. Торговля	0,7	1,3	2,8	1	1,3	9,1
60. Трактиры, гостиницы, меблированные комнаты, клубы	2	4,5	2,7	1	0,3	7
61. Торговля питейная	0,9	0	2,7	0	0,1	7,7
64. Проституция	4,3	0	5,9	0	1,3	7,6

Примечание. Таблица составлена по: [9. С. 212–217; 10. С. 180–181].

Обратимся к сравнительному анализу некоторых сфер хозяйственной деятельности, в которых были наиболее активны представители рассматриваемых меньшинств как в Санкт-Петербурге, так и Томске.

Еще в 1860-е гг. один из публицистов отмечал факт «немецкого засилья» в столице [20. С. 174]. Миграционные процессы 1860–1890-х гг. способствовали значительному изменению этнической структуры населения города, что отразилось и на вовлеченности новых общин в те или иные сферы хозяйственной деятельности.

Санкт-Петербург конца XIX в. был одним из центров ювелирного производства не только Российской империи. Город привлекал новых мастеров, число которых постоянно увеличивалось. Так, в 1850 г. в столице было 205 ювелиров [12. С. 34–40], в 1868 г. – 303 [13. С. 54–57], а к 1898 г. – 357 [14. Стб. 3316–3326]. Постепенно сокращалась доля немецких мастеров, и росло число евреев, занимавшихся изготовлением изделий из драгоценных металлов и обработкой бриллиантов. Если в 1867 г. в столице последние составляли

менее 10% [13. С. 54–57], то к 1898 г. их доля выросла до 15% [14. Стб. 3316–3326].

С 1880-х гг. еврейские ювелиры, осев в столице, стремятся интегрироваться в сферу и занять в ней свое место. Они записываются в цех, открывают мастерские. Большинство так и останется мелкими ремесленниками. Лишь при благоприятном стечении обстоятельств немногие из них могли развить свое дело до крупного производства с созданием торгового дома. Одним из примеров может служить Абрам Липов Шоломов Бейлин-Левков. В сентябре 1882 г. он выдержал экзамен на звание мастера серебряно-позументного цеха и получил право на самостоятельную деятельность, что было подтверждено свидетельством, выданным Санкт-Петербургской ремесленной управой [21. Л. 1]. Вместе с сыном он основал около 1908 г. торговый дом «Бейлин и сын». В начале 1900-х гг. его мастерская и магазин находились в д. 22/2 на ул. Садовой [14. Стб. 3316].

Большинство мастеров занимались изготовлением и продажей изделий из драгоценных металлов. Однако в руках еврейских ювелиров была сосредоточена часть обработки и продажи бриллиантов и драгоценных камней. В среде состоятельной части горожан были известны магазины Ильи Марголина (наб. р. Фонтанки, д. 161), Хаима Масеева (ул. Мещанская, д. 25) [14. Стб. 3321] и др.

Постепенный рост численности еврейской общины Санкт-Петербурга привел к перераспределению рынка изготовления и сбыта часов. Об этом свидетельствуют данные о мастерах часовых дел. Так, в середине 1860-х гг. из 127 ремесленников почти половину составляли немцы, поляков среди них было крайне мало, евреев – не более двух-трех человек [13. С. 231–233]. К концу XIX в. ситуация кардинально изменилась: из 231 столичного часовщика почти 90, или 39%, были евреями, тогда как доля немецких мастеров сократилась до 19–20% [14. Стб. 3979–3986]. Лишь немногие немецкие мастера смогли выдержать конкуренцию. В качестве одного из примеров можно назвать заведение Генриха Дитце, образованное в 1848 г. Доля польских часовщиков в столице оставалась невысокой. Так, можно отметить магазины Оскара Андрушевича на Каменноостровском пр. [14. Стб. 3980], Антона Свиглинского на 6-й линии Васильевского острова [14. Стб. 3984] и др.

В сфере производства и продажи часов в еврейской среде Санкт-Петербурга среди владельцев были и женщины. Одной из наиболее успешных предпринимательниц была Рохля Ершовская, которой принадлежало два магазина, расположенных на Вознесенском пр. и ул. Разъезжей [14. Стб. 3982]. Продажа часов в обоих заведениях шла параллельно с торговлей ювелирными изделиями [14. Стб. 3318].

В Томске в сравнении со столицей часовых дел мастеров и специализированных магазинов было гораздо меньше. Но и здесь видную роль играли еврейские предприниматели, которые фактически монополизировали эту сферу. В пяти случаях из шести именно им принадлежали часовые магазины. Так, одним из владельцев торгового заведения был минский мещанин

Исаак Айзиков Пересман (ул. Почтамтская, д. 14) [22. Л. 27].

Как в Санкт-Петербурге, так и в Томске представители этнических меньшинств играли заметную роль в ювелирном деле. Зачастую именно в их среде было большое количество золотых и серебряных дел мастеров. Из томских еврейских ювелиров следует упомянуть уроженца Виленской губернии Абрама Каца и митавского мещанина Маркуса Йозефовича, каждый из которых имел свой магазин (ул. Почтамтская, д. 12 и д. 20 соответственно) [22. Л. 28].

Одна из сфер, в которой наблюдается явное несоответствие, был извозный промысел. В столице, как мы видим, доля поляков и немцев была менее 1%, а число извозчиков-евреев ничтожно мало. Это объясняется тем, что доминирующие позиции занимали русские (88,8%), за ними шли финны (3,3%) и татары (0,97%) [9. С. 218, 222, 223].

В Томске мы наблюдаем несколько иную картину: при известном преобладании русских, доля которых была ниже, чем в Санкт-Петербурге (76%), евреи составили 12,5% городских извозчиков, тогда как на долю поляков пришлось 3,2%, а немцев – менее 1% [10. С. 180–181]. Подобная картина сложилась в течение второй половины XIX в., когда отбывшие политическую ссылку поляки и административную ссылку евреи вынуждены были изыскивать заработок. При сохранявшихся правовых ограничениях на включенность в некоторые виды деятельности (например, содержание гостиниц, фотографических салонов, преподавательская деятельность и пр.) они вынуждены были идти в извоз. Среди извозчиков-поляков встречались и обедневшие дворяне. Например, в книге томских биржевых извозчиков и их работников в конце 1880-х – начале 1890-х гг. числились Леонтий Мелевский [23. Л. 47 об.–48], Войцех Старажевский [23. Л. 104 об.–105], Зенон Монткевич [23. Л. 156 об.–157]. Среди извозчиков-евреев преобладали томские мещане, хотя встречались и такие, кто был по паспорту приписан к губерниям черты оседлости.

Значительное смягчение паспортной системы вкупе с развитием транспорта значительно способствовало росту мобильности населения. Одним из его проявлений стало увеличение количества гостиниц в столичных и губернских городах.

Немцев – владельцев фешенебельных гостиниц – в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX вв. было немного. Одной из таких была гостиница «Виктория», принадлежавшая до 1905 г. Карлу Ланге [24. Стб. 3971]. С 1905 г. она уже принадлежала братьям Рогген [25. С. 1146]. «Гранд-Отель» в это же время принадлежал Паулю Шотте [25. С. 1146].

Не столь высокая покупательская способность сибирских обывателей отразилась на состоянии гостиничной сферы. Большинство прибывающих в Томск предпочитало останавливаться на постоялых дворах, которые располагались в разных частях города. Так, несколько заведений в начале XX в. занимали постройки в Болотном переулке. Одно из них принадлежало крестьянке Ишимской волости Томского уезда Малке Итолзон [22. Л. 14]. На ул. Кондратьевской

владелицей постоянного двора была томская мешанка Раиса Фулевич [22. Л. 13 об.], а в д. 11 на Иркутском тракте – бывший ссыльный, крестьянин Боготольской волости Томского уезда Юлиан Сидиковский [22. Л. 14]. Вовлеченность поляков и особенно евреев в гостиничную сферу объясняется в первую очередь большим числом приезжавших в Томск по разным делам польских и еврейских обывателей, которые стремились поселиться у «своих».

Одной из динамично развивавшихся сфер во второй половине XIX в. было винокурение и пивоварение. Развитие отрасли во многом зависело от изменений в законодательстве, которые внедрялись как на общегосударственном, так и на региональном уровне.

Как мы видим, в Санкт-Петербурге немцы занимали одну из главных позиций. С конца XVIII – первой четверти XIX в. в их руках оказалась значительная часть пивоваренного рынка. Достаточно указать на «Калинкинское товарищество», возникшее в конце XVIII в., и акционерное общество «Калашниковский пиво-медоваренный завод бывш. А. Крона и К^о» (основан в 1811 г.). На их долю в конце XIX – начале XX в. приходилось более 50% сваренного в столице пива. Годовое производство Калинкинского завода оценивалось в 2 112 тыс. руб. [26. С. 646], а Калашниковского – в 670 тыс. руб. [26. С. 646].

Заметную роль немцы играли и на рынке винокурения. Некоторые из предприятий возникли еще в дореформенный период (например, фирма Штритера существовала с 1831 г.). В начале XX в. значительные объемы водки и ректификационного спирта в столице производились на заводах акционерного общества «Келлер и К^о» (на 242 тыс. руб.), В.А. Штритера (на 180 тыс. руб.), К.О. Иона (на 204 тыс. руб.) [26. С. 646–647].

В Томске, как и в целом по Сибири, в XIX в. сформировалась тенденция преобладания в винокурении и пивоварении польских и еврейских предпринимателей. Вводившиеся ограничения на производство евреями крепких напитков заставляли их переходить в лютеранство (примером может служить семья Фуксманов) либо оформлять предприятия на подставных лиц.

На фоне доминирования русских владельцев винокуренных заводов можно выделить содержавшего завод в Томске польского дворянина И. Андроновского, небольшое предприятие которого производило продукции на 6 тыс. руб. [11. С. 205].

Более интернациональной была сфера пивоварения. Один из крупнейших заводов (основан в 1883 г.) принадлежал прусскому подданному Р.И. Крюгеру. На нем было произведено продукции в 1910 г. на 15 тыс. руб., что составило около 27,7% совокупного производства по отрасли. При этом на долю еврейских пивоваров М. Рейхзелигмана и Г. Фуксмана пришлось более 32% [11. С. 208].

Либерализация паспортной системы во второй половине XIX в. способствовала резкому наплыву в города сельских жителей. Маргинализация горожан отразилась в развитии питейной торговли. Большим спросом пользовались пивные и портерные лавки, ренсковые погреба, питейные дома и т.д.), которые стали неотъемлемой частью повседневной жизни как столичного, так и

губернского города. При сопоставлении данных о месте евреев, немцев и поляков в питейной торговле Санкт-Петербурга можно заметить, что число вовлеченных в эту сферу предпринимателей пропорционально численности общин.

При железнодорожных вокзалах и речных пристанях с конца XIX в. открывались буфеты. Нередко их владельцами были немцы, поляки, татары. Так, в 1902 г. при Николаевском и Варшавском вокзалах буфеты содержал Рафик Рахматуллин Алышев [27. Стб. 2632], а Иоганна-Фредерика Зиберт была владелицей буфета на пристани Николаевской набережной напротив ее пересечения с 13-й линией Васильевского острова [27. Стб. 2633]. Посетители Василеостровского театра могли скоротать время в буфете, принадлежавшем Николаю Богдановскому [27. Стб. 2632], а немецкие ремесленники, являвшиеся членами различных кружков, были завсегдатаями буфета «Пальма» в Максимилиановском пер., д. 18 [27. Стб. 2633].

Польские студенты и прочие обыватели регулярно посещали «Польскую кофейню» на Михайловской ул., д. 2/9, владелицей которой была Станислава Бахминская [27. Стб. 2636]. Большой популярностью пользовалась и «Варшавская кухмистерская» Клементия Погоржельского, находившаяся в центре города (ул. Малая Конюшенная, д. 12/17) [27. Стб. 2637]. Многочисленные кухмистерские в городе принадлежали петербургским немцам и евреям.

Пивные погреба, которые были расположены во всех частях города, получали товар от петербургских заводов. Евреи, проживавшие в Коломенской части, могли посетить пивную Семена Катца (наб. р. Пряжки, д. 54) [28. С. 1182], а немцы Петроградской стороны ходили в пивную Яна Кригера (Кронверкский пр., д. 3) [28. Стб. 1182].

Большой популярностью у рядовых горожан пользовались и ренсковые погреба, торговавшие винами и винными напитками. Торговый дом «Я.А. Фохтс», существовавший с 1817 г., имел сеть заведений по всему городу [28. Стб. 1056]. Его визитной карточкой стал авторский портвейн № 109. Свою сеть имело и торговое предприятие «К.О. Шитт» [28. Стб. 1056], которое было образовано в 1818 г. Большая часть товара поступала в его погреба с собственного винного склада на Васильевском острове.

Состоятельные горожане на рубеже веков были частыми посетителями ресторанов, недостатка в которых в конце XIX – начале XX в. в столице не было. Среди «немецких» ресторанов большой популярностью пользовались заведения Иоганна Зиберта «Бернгард» на Васильевском острове [27. Стб. 2643] и Вильгельма Брокмана «Немецкий» на Казанской ул. [27. Стб. 2644].

В Томске, как мы видим из статистических данных, питейные заведения принадлежали преимущественно представителям еврейского сообщества. Однако ситуация не была столь однообразной. Так, среди винных кабаков в городе можно отметить три заведения, принадлежавших жене польского ссыльного Горелло с общим годовым оборотом 3 тыс. руб. и налогооблагаемой прибылью в 200 руб. [19. С. 141]. Кабак, принадлежавший польскому предпринимателю и купцу второй

гильдии К.Я. Зеленева, имел большие оборот и прибыль (2 тыс. и 100 руб. соответственно) [19. С. 141].

Количество ренсковых погребов в Томске на конец XIX в. было меньшим, чем кабаков (21 против 70). Торговля алкогольными напитками навечно была более затратной, но и прибыльной. Так, заведение купца второй гильдии И.К. Качковского имело заявленный оборот в 3 тыс. руб. [19. С. 142], однако оно вряд ли может быть отнесено к крупным. Для сравнения: ренсковый погреб первогильдейского купца И.Г. Гадалова имел оборот в 70 тыс. руб. [19. С. 142].

Наличие в городе пивоваренных заводов требовало от из владельцев создания сети реализации. На 1904 г. в городе было десять пивных лавок, которые пользовались популярностью у городских обывателей. Из пивных Томска следует упомянуть торговое заведение К. Зеленева [19. С. 143], через которую он реализовывал произведенную на собственном пивоваренном заводе продукцию. Пивная лавка Зеленева, торговавшая на вынос, существовала достаточно долго [22. Л. 6 об.]. В середине 1900-х гг. родственнику владельца пивоваренного завода Адольфу Ивановичу Крюгеру в городе принадлежали пивные лавки, торговавшие на вынос и распивочно [22. Л. 6 об.–7]. И сам владелец завода Роберт Крюгер держал пивные лавки [22. Л. 22]. Так, одна из них, в которой торговля велась распивочно и на вынос, располагалась в д. 7 по Больше-Корольевской улице [22. Л. 25 об.]. Свои пивные лавки, торговавшие товаром распивочно, были у М.И. Рейхзелигмана [22. Л. 7] и Б.Л. Фуксмана [22. Л. 7 об.].

Собственно, в Томске евреи являлись владельцами питейных заведений, но их годовой оборот был крайне невелик и составлял менее 2 тыс. руб. К тому же некоторые из них, проживая в губернском центре, вели торговые дела за его пределами.

Одна из сфер, в которой были задействованы представительницы трех рассматриваемых общин, была проституция. Однако их удельный вес в Санкт-Петербурге и Томске разительно отличался. Так, в первом случае мы видим присутствие всех этнических групп: при известном доминировании русских далее следовали финки, немки, полячки, еврейки. При этом обращает на себя внимание факт заметного преобладания немок над прочими меньшинствами. Эти цифры вполне коррелируют с численностью общин.

Среди немок, занятых промыслом в петербургских домах терпимости, доминировали иностранки. Многие из них шли в промысел для того, чтобы сколотить приданое. Как отмечал в своем отчете доктор медицины А.И. Федоров, «через два-три года немка увозит на родину от 500 до 2 000 рублей» [29. С. 21].

В Томске мы наблюдаем иную картину: в рассматриваемой сфере отмечается факт присутствия только евреек. Подобная ситуация не была уникальной для губернского центра. Еще в конце XIX в. современники отмечали, что «наибольший процент их (проституток. – В.Ш., М.Г.) приходится на ту национальность, к которой принадлежит большинство местного населения» [30. С. XX–XXI].

И в Санкт-Петербурге, и в Томске к концу XIX в. сформировался устойчивый спрос на проституток. Главными потребителями услуг домов терпимости были солдаты, студенты. Рынок услуг формировался преимущественно за счет молодых девушек, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. И в столице, и в других городах девушки принадлежали преимущественно к крестьянскому и мещанскому сословию. Об этом наглядно свидетельствуют как материалы столичного врачебно-полицейского надзора за проституцией [30. С. 25–32], так и сохранившиеся архивные документы о томских домах терпимости за 1880–1900-е гг. [31–33].

На протяжении всего имперского периода в Санкт-Петербурге и прочих губернских городах, в том числе Томске, сложились еврейская, немецкая и польская общности. Оказавшись в иноэтничном и иноконфессиональном окружении, их представители для выживания в новых реалиях столкнулись с необходимостью выработки адаптационных практик и интеграционных механизмов. Эти задачи были решены посредством включенности в некоторые сферы народного хозяйства, что определило место и роль евреев, немцев, поляков в системе межэтнического разделения труда. Как в столице, так и провинции представители этнических меньшинств ориентировались на уже существовавшие реалии. В большинстве случаев они занимались традиционными для себя занятиями, но в критических ситуациях могли становиться инициаторами новых отраслей.

Как в столице, так и губернском центре межэтническое разделение труда становилось механизмом обеспечения условий жизнедеятельности неавтохтонных этнических общностей. В некоторых сферах они смогли занять доминирующие позиции, уступая по удельному весу лишь русскому населению городов. В этих случаях потребителями производимых товаров или услуг становились прочие горожане, независимо от национальности и вероисповедания. В то же время можно выделить и такие немногочисленные сферы (например, проституция), в которых потребителями производимой продукции становились преимущественно представители своей этнической или этноконфессиональной сферы.

Список источников

1. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / под ред. Л.М. Горюшкина. Новосибирск : Наука, 1983. 399 с.
2. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период / под ред. В.Н. Блинова. Новосибирск : Наука, 1982. 459 с.
3. Kappeler A. Die Deutschen im Rahmen des zaristischen und sowjetischen Vielvoelkerreiches: Kontinuitaet und Brueche // Die Deutschen im Russischen Reich und im Sowjetstaat. Köln : Markus-Verlag, 1987. S. 9–19.
4. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
5. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск : Из-во Том. ун-та, 2004. 230 с.
6. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Пермской губернии по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 21–26. doi: 10.17223/15617793/503/2. EDN HTJZHN.

7. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Семипалатинской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 142–147. doi: 10.17223/19988613/84/18. EDN GODCPG.
8. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Азиатской России по данным переписи 1897 г. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2024. 210 с.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. Т. 37: Город С.-Петербург, тетр. 2-я и последняя. 266 с.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1904. Т. 79: Томская губерния. 246 с.
11. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-Азиатских владений. СПб. : Тип. Р. Голике, 1900. 281 с.
12. Цылов Н.И. Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т.п. на 1849 год. СПб. : тип. Штаба Отд. кор. внутр. стражи, 1849. 531 с.
13. Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой : в 5 отд. / сост. И.И. Рынкевич; предисл. Г. Гоппе и Г. Корнфельда. СПб. : Гоппе и Корнфельд, 1868. Отд. IV. 987 с.
14. Адресная книга города С.-Петербурга на 1898 г. / под ред. П.О. Яблонского. СПб. : Лештуковская паровая скоропеч. П.О. Яблонского, 1897. 1219 с.
15. Побережников И.В. Проблемы в изучении российских модернизаций // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв. : материалы XIII Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г. Екатеринбург : УрО РАН, 2018. Т. 1. С. 93–102.
16. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2007. 368 с.
17. Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск : Красноярский писатель, 2006. 241 с.
18. Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири (1890–1830-е гг.). Новосибирск : Изд-во НГАСУ (СИБСТРИН). 2011. 460 с.
19. Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем. Томск : Изд. Сиб. кн. маг. Михайлова и Макушина, 1890. XI, 433, 27, V с.
20. В.С. Записки метафизика. О насущном хлебе // Отечественные записки. 1868. № 1. С. 166–184.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1102. Оп. 4. Д. 63.
22. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 104. Оп. 1. Д. 3446.
23. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2163.
24. Адресная книга города С.-Петербурга на 1899 г. / под ред. П.О. Яблонского. СПб. : Лештуковская паровая скоропеч. П.О. Яблонского, 1898. LXIX с., 4160 стб., 1046 с.
25. Весь Петербург на 1905 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1905. 883 с., 2046 стб.
26. Список фабрик и заводов Европейской России. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. 840 с.
27. Адресная книга города С.-Петербурга на 1902 г. / под ред. П.О. Яблонского. СПб. : Лештуковская паровая скоропеч. П.О. Яблонского, 1902. LXIX с., 2833 стб., 1132 с.
28. Адресная книга города С.-Петербурга на 1900 г. / под ред. П.О. Яблонского. СПб. : Лештуковская паровая скоропеч. П.О. Яблонского, 1899. LXIV с., 4136 стб., [1], 1099 с.
29. Федоров А.И. Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге. СПб. : Тип. С.-Петерб. градоначальства, 1897. 64 с.
30. Статистика Российской империи / под ред. А. Дубровского. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1890. Т. XIII: Проституция в Российской империи по обследованию на 1 августа 1889 г. XXXVI, 85, 39 с.
31. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1848.
32. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3482.
33. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3481.

References

1. Goryushkin, L.M. (ed.) (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The Peasantry of Siberia in the Era of Capitalism]. Novosibirsk: Nauka.
2. Blinov, V.N. (ed.) (1982) *Rabochiy klass Sibiri v dooktyabr'skiy period* [The Working Class of Siberia in the Pre-October Period]. Novosibirsk: Nauka.
3. Kappeler, A. (1987) Die Deutschen im Rahmen des zaristischen und sowjetischen Vielvoelkerreiches: Kontinuitaet und Brueche. In: *Die Deutschen im Russischen Reich und im Sowjetstaat*. Köln: Markus-Verlag. pp. 9–19.
4. Kappeler, A. (2000) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Voznikovenie. Istoriya. Raspad* [Russia – A Multinational Empire. Emergence. History. Disintegration]. Translated from German. Moscow: Progress-Traditsiya.
5. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya. XIX – nachalo XX v.* [Interethnic Relations in Western Siberia in the Process of Its Economic Development. 19th – Early 20th Century]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Zinoviev, V.P. (2024) *Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Permskoy gubernii po dannym perepisi 1897 g.* [Interethnic Division of Labor in the Perm Province According to the 1897 Census Data]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 503. pp. 21–26. doi: 10.17223/15617793/503/2
7. Zinoviev, V.P. (2023) *Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Semipalatinskoy oblasti po dannym perepisi 1897 g.* [Interethnic Division of Labor in the Semipalatinsk Region According to the 1897 Census Data]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 142–147. doi: 10.17223/19988613/84/18
8. Zinoviev, V.P. (2024) *Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Aziatskoy Rossii po dannym perepisi 1897 g.* [Interethnic Division of Labor in Asiatic Russia According to the 1897 Census Data]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Troinitsky, N.A. (ed.) (1903) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii* [The First General Census of the Population of the Russian Empire]. Vol. 37. St. Petersburg: Izd. Tsentr. stat. kom. M-va vnutr. del.
10. Troinitsky, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii* [The First General Census of the Population of the Russian Empire]. Vol. 79. St. Petersburg: Izd. Tsentr. stat. kom. M-va vnutr. del.
11. Orlov, P.A. (1900) *Ukazatel' fabrik i zavodov okrain Rossii: Tsarsiva Pol'skogo, Kavkaza, Sibiri i Sredne-Aziatskikh vladeniy* [Directory of Factories and Plants in the Russian Borderlands: The Kingdom of Poland, the Caucasus, Siberia, and the Central Asian Possessions]. St. Petersburg: Tip. R. Golike.
12. Tsylov, N.I. (1849) *Gorodskoy ukazatel', ili Adresnaya kniga vrachey, khudozhnikov, remeslennikov, torgovykh mest, remeslennykh zavedeniy i t.p. na 1849 god* [City Directory, or Address Book of Doctors, Artists, Artisans, Commercial Establishments, Craft Workshops, etc. for 1849]. St. Petersburg: tip. Shtaba Otd. kor. vnutr. strazhi.
13. Rynkevich, I.I. (ed.) (1868) *Vseobshchaya adresnaya kniga S.-Peterburga, s Vasil'evskim ostrovom, Peterburgskoy i Vyborgskoy storonami i Okhtoy: v 5 otd.* [General Address Book of St. Petersburg, with Vasilevsky Island, the St. Petersburg and Vyborg Sides, and Okhta: In 5 Sections]. Vol. 4. St. Petersburg: Goppe i Kornfel'd.
14. Yablonsky, P.O. (ed.) (1897) *Adresnaya kniga goroda S.-Peterburga na 1898 g.* [Address Book of the City of St. Petersburg for 1898]. St. Petersburg: Leshtukovskaya parovaya skoropetch. P.O. Yablonskogo.

15. Poberezhnikov, I.V. (2018) Problemy v izuchenii rossiyskikh modernizatsiy [Problems in Studying Russian Modernizations]. *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Rossii v XVIII–XXI vv.* [The Industrial Urals. Bakunin Readings. Russia's Industrial Modernization in the 18th–21st Centuries]. Proc. of the 3rd Conference. Ekaterinburg, October 18–19, 2018. Vol. 1. Ekaterinburg: UrB RAS. pp. 93–102.
16. Vibe, P.P. (2007) *Nemetskie kolonii v Sibiri: sotsial'no-ekonomicheskiy aspekt* [German Colonies in Siberia: A Socio-Economic Aspect]. Omsk: OmGPU.
17. Galashova, N.B. (2006) *Evrei v Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Jews in the Tomsk Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsky pisatel'.
18. Ostrovsky, L.K. (2011) *Polyaki v Zapadnoy Sibiri (1890–1830-e gg.)* [Poles in Western Siberia (1890s–1930s)]. Novosibirsk: Izd-vo NGASU (SIBSTRIN).
19. Adrianov, A.V. (1890) *Tomsk v proshlom i nastoyashchem* [Tomsk in the Past and Present]. Tomsk: Mikhaylov i Makushin.
20. V.S. (1868) *Zapiski metafizika. O nasushchnom khlebe* [Notes of a Metaphysician. On Daily Bread]. *Otechestvennye zapiski*. 1. pp. 166–184.
21. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1102. List 4. File 63.
22. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 104. List 1. File 3446.
23. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 104. List 1. File 2163.
24. Yablonsky, P.O. (ed.) (1898) *Adresnaya kniga goroda S.-Peterburga na 1899 g.* [Address Book of the City of St. Petersburg for 1899]. St. Petersburg: Leshtukovskaya parovaya skoropech. P.O. Yablonskogo.
25. Anon. (1905). *Ves' Peterburg na 1905 god: adresnaya i spravochnaya kniga g. S.-Peterburga* [All of St. Petersburg for 1905: Address and Reference Book of the City of St. Petersburg]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
26. Anon. (1903) *Spisok fabrik i zavodov Evropeyskoy Rossii* [List of Factories and Plants of European Russia]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma.
27. Yablonsky, P.O. (ed.) (1902) *Adresnaya kniga goroda S.-Peterburga na 1902 g.* [Address Book of the City of St. Petersburg for 1902]. St. Petersburg: Leshtukovskaya parovaya skoropech. P.O. Yablonskogo.
28. Yablonsky, P.O. (ed.) (1899) *Adresnaya kniga goroda S.-Peterburga na 1900 g.* [Address Book of the City of St. Petersburg for 1900]. St. Petersburg: Leshtukovskaya parovaya skoropech. P.O. Yablonskogo.
29. Fedorov, A.I. (1897) *Ocherk vrachebno-politsiyskogo nadzora za prostitutsiyey v S.-Peterburge* [An Outline of the Medical-Police Supervision of Prostitution in St. Petersburg]. St. Petersburg: Tip. S.-Peterb. gradonachal'stva.
30. Dubrovsky, A. (ed.) (1890) *Statistika Rossiyskoy imperii* [Statistics of the Russian Empire]. Vol. 13. St. Petersburg: Izd. Tsentr. stat. kom. M-va vnutr. del.
31. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 104. List 1. File 1848.
32. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 104. List 1. File 3482.
33. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 104. List 1. File 3481.

Сведения об авторах:

Шайдуров Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий научно-образовательным центром исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: s-w-n@mail.ru

Генслер Михаил Станиславович – лаборант научно-образовательного центра исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: gensler.hist@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Shaidurov Vladimir N. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis of Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: s-w-n@mail.ru

Gensler Mikhail S. – Laboratory Assistant at the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis of the Pushkin Leningrad State University (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: gensler.hist@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 09.06.2025; accepted for publication 17.09.2025